

К. В. Кичеева

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ НА -ЧЫХ/-ЧЫК/-ЙУК И ИХ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ С ФОРМАМИ НА -ЖЭЭ, -ЧУ, -ААЧЧЫ, -ЧА (НА МАТЕРИАЛЕ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА)

Представлен обзор научной литературы, посвященной проблеме этимологии форм прошедшего времени на -чых/-чык/-йук, а также произведена попытка их дифференциации с другими формами, отождествляемыми некоторыми учеными с анализируемыми формами. Выделяются две основные точки зрения, polemизирующие между собой, в том числе автором приводится своя гипотеза, которая строится на материале хакасского языка, собранном методом сплошной выборки текстов из художественной, публицистической и фольклорной литературы.

В ходе сопоставления семантики и некоторых функций монгольской формы на -жээ, киргизской на -чу, якутской на -ааччы, тунгусо-маньчжурской на -ча и хакасской формы на -чых делается вывод, что они не тождественны последней, соответственно, и формам на -чык/-чых/-йук хакасского, тувинского, тофского и древнеуйгурского языков.

Особое внимание уделено сочетаниям анализируемой формы -чых с другими индикативными аффиксами прошедшего времени на -ган, -ды, -тыр, -чаң, -галах, -(н)чатхан. Выявлено, что в хакасском языке имеется аналитическая конструкция -ган полчых, в связи с чем предположение о стяжении вспомогательного глагола эр- 'быть' в форме -ганчых < -ган + эр-чых вызывает сомнение.

Выборка показывает, что в хакасском языке форма -чых чаще всего употребляется в нарративе (повествовании), редко встречается в прямой речи. Интересным является то, что в первом случае повествование ведется от третьего лица, случаи употребления данной формы в первом и втором лице не обнаружены.

Как показал языковой материал, форма на -чых в хакасском языке имеет свойство сочетаться с разными частями речи и менять позицию в структуре глагольной словоформы подобно частице -ох/-ок, которая также пишется слитно со словоформой. Это иллюстрирует тезис о том, что форма на -чых и есть утвердительная частица, некогда часто употребляемая при описании прошедших событий и которая со временем стала принимать личные аффиксы.

Ключевые слова: хакасский язык, тувинский язык, тофский язык, древнеуйгурский язык, киргизский язык, якутский язык, монгольский язык, тунгусо-маньчжурский язык, этимология, индикатив, прошедшее время, нарратив (повествование), частица.

Ареал распространения формы прошедшего времени на -чых в тюркских языках довольно ограничен. Кроме хакасского языка (-чых/-чйк, -чых/-чйк), данная форма встречается в тувинском (-чык/-чик/-чук/-чүк; -жык/-жик/-жук/-жүк) и тофском (-чык/-чик, -чук/-чүк, -чжык/-чжик, -чжук/-чжүк) языках.

В настоящее время среди исследователей вызывает дискуссию их этимология, а также генетическая связь с другими формами тюркских и нетюркских языков. Это обстоятельство обусловило актуальность изучения различных точек зрения по этому вопросу с учетом новых версий.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые имеющиеся основные позиции разделены на две группы, рассмотрены новые и не замеченные ранее исследования, а также получены оригинальные выводы, не описанные в существующей на сегодняшний день научной литературе. Кроме того, делается попытка дифференцировать форму -чых с отождествляемыми некоторыми учеными такими формами, как -жээ, -чу, -ааччы, -ча.

Цель данной статьи – рассмотреть основные взгляды исследователей, имеющиеся на сегодняшний день, и семантико-морфологические особенности отождествляемых форм других языков на материале хакасского языка.

Относительно происхождения рассматриваемой временной формы в тюркологии существуют несколько точек зрения, которые можно свести к двум основным: 1) монгольское происхождение; 2) тюркское происхождение.

Ярым сторонником первого варианта был тюрколог Н. А. Баскаков [Баскаков, 1953: 458; Баскаков, 1965; Баскаков, 1978], поскольку уже некоторое время, не признавая другие гипотезы происхождения данной формы, предполагал, что хакасская форма на -*čux*, тувинская на -*čyq*, киргизская на -*či* являются относительно новыми формами, заимствованными из монгольского языка (форма на -*džee*) [Баскаков, 1978].

Н. А. Баскаков интерпретирует свое предположение тем, что, во-первых, ссылаясь на Г. Д. Санжеева, который возводил монгольскую форму прошедшего времени на -*džee/-čee* к полной форме -*džuy-uj/-čik-uj*, полагает, что формы с конечным гласным являются более новыми образованиями. Во-вторых, считает близкими и их семантические признаки, для сравнения приводит следующие примеры из монгольского языка: *önöödör Bat hotoos irdžee* 'сегодня Бат приехал, оказывается, из города'; *Džamjan gancaara jawdž baja 33 čono aldžee* 'Жемьян, оказывается, один убил 33 волка' [Баскаков, 1978: 7–8]. Следует отметить, что аналогичное значение в хакасском языке выражается формой прошедшего времени на -(n)тыр, ср.: *Ол аалзар кичееёк килтир* 'Он в аал, оказывается, еще вчера прибыл'. В-третьих, Н. А. Баскаков объясняет их ограниченным распространением в ареале восточных тюркских языков, характеризующихся значительным монгольским влиянием [там же].

Б. О. Орузбаева тоже придерживается точки зрения Н. А. Баскакова и считает, что в монгольском языке существуют формы прошедшего времени на -*чукуй*, поэтому предполагает, что форма на -*чу* в киргизском языке развивалась по следующей схеме: -*чук* → -*чу(к)* → -*чу* [Орузбаева, 1955: 42–43].

Сопоставление форм -*чу/-чых/-чык* с вышеназванной монгольской формой поддерживает и У. Джусупакматов [Джусупакматов, 1983]. Он ареал их распространения рассматривает шире, считая, что кроме тюркских и монгольских языков, имеются параллели в тунгусо-маньчжурских языках [Джусупакматов, 1983: 97].

В настоящее время среди исследователей преобладает вторая версия, т. е. тюркское происхождение, точнее древнеуйгурское [Насилов, 1966; Убрятова, 1976: 88–89; Рассадина, 1978: 214–216; Широбокова, 2005: 204; Ооржак, 2014: 83; Филиппов, 2019 и др.].

Принято считать, что на генетическую связь формы на -*чык* с древнеуйгурской формой на -*йук* указал Э. Р. Тенишев [см. Монгуш, 1963: 133; Рассадина, 1978: 215]. Следует заметить, что об этимологическом сближении этих форм было отмечено еще в исследованиях зарубежных тюркологов О. Прицака [Pritsak, 1959: 618], К. Менгеса [Menges, 1959: 664]. Так, О. Прицак хакасскую форму прошедшего времени на -*чых* возводит к древнетюркской форме на -*jük* [Pritsak, 1959: 618]. К. Менгес тофаларскую форму на -*чык* отождествлял с уйгурской на -*yuq/-yük* [Menges, 1959: 664].

Сопоставление древнеуйгурской формы на -*jiq* с формами на -*чых* и -*чык* хакасского и тувинского языков, проведенное Д. М. Насиловым, показало их семантическую и функциональную близость [Насилов, 1966].

Е. И. Убрятова эти формы (древнеуйгурскую, хакасскую, тувинскую) сначала поставила в одном ряду с формами на -*аач-чук* / -*аат-чык* (?) якутского, на [-*чук*] (диал.) киргизского и на -*йык* тофского языков [Убрятова, 1976: 89–91], а позже из этого ряда исключила якутскую и киргизскую формы [Убрятова, 1985: 41; Убрятова, 2011: 64].

С выходом монографии В. И. Рассадина по тофаларскому языку [1978: 212–216] многие современные исследователи данную форму стали рассматривать как общее языковое явление не только древнеуйгурского, хакасского, тувинского, но и тофского языков [Широбокова, 1999: 130; Ооржак, 2014; Мешадиева, 2017: 122; Филиппов, 2019: 65 и др.].

Что касается отождествления этих форм с киргизской формой на -*чу* и якутской формой на -*ааччык*, то вопрос остается открытым.

Так, одни исследователи причисляют к этой изоглоссе киргизскую форму на -*чу* (Н. А. Баскаков (1953; 1963; 1978), Б. А. Орузбаева (1955), Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах (1961),

У. Джусупакматов (1983)), другие (Д. А. Монгуш (1963), Н. З. Гаджиева (1975: 92), В. И. Рассадин (1978), А. М. Щербак (1981: 96), Е. И. Убрятова (1985: 40–41), Н. Н. Широбокова (2005), Б. Ч. Ооржак (2014)) – нет. Б. А. Серебренников пишет, что форма прошедшего времени с показателем *-чык* встречается в тувинском, хакасском и киргизском языках, но в то же время отмечает, что киргизская форма прошедшего времени на *-чу* отличается как фонетически, так и семантически [Серебренников, 1974: 13–15].

На наш взгляд, сопоставление киргизской формы на *-чу* с хакасской формой на *-чых*, ровно как с аналогичными формами в тувинском и тофском языках, неправомерно, поскольку данная форма по семантическим признакам больше совпадает с другой формой прошедшего времени на *-чаң/-чең/-чаң/-чең* в хакасском языке, ср.: кирг. *сатчумун/сатчум* ‘я обычно продавал’ с хак. *сатчыхпын* ‘я продавал/продал’ и *сатчаңмын/сатчаңзым* (диал.)/*сатчам* (диал.) ‘я обычно продавал’. Таким образом, мы вслед за многими исследователями [Монгуш, 1963; Гаджиева, 1975; Рассадин, 1978; Широбокова, 2005 и др.] не признаем сопоставление киргизской формы на *-чу* с формами *-juk*, *-чых*, *-чык*.

Как уже отмечалось, Е. И. Убрятова якутскую форму на *-аач-чык* вывела отдельно от вышеназванных форм, при этом второй компонент *-чык* возводит к древнеуйгурскому *-йук*, который, по гипотезе автора, проник в якутский язык через тофский. К этому предположению она приходит исходя из определенных соответствий в части морфологии [Убрятова, 1985: 40–42].

Вопрос этимологии якутской формы на *-ааччык* поднят также Г. Г. Филипповым [Филиппов, 2019]. Так, автор предполагает, что данная форма «вошла в якутский язык во времена уйгурского совместного проживания, а форма на *-ааччы* заимствована из киргизского языка во времена кыпчакизации сибирских тюркских языков» [там же: 66]. А вариативность аффиксов *-ааччы/-ааччык*, *-аайы/-аайык*, *-ыыһы/-ыыһык*, с одной стороны, связывает с фонетическими процессами и приводит следующие примеры: *улуҕ > улуу*, *таҕ > тья*, *-лыг > -лаах* и др., с другой стороны, полагает, что факультативный согласный звук *-к/-х* предназначался «для усиления причастной принадлежности» [там же: 68].

Е. И. Коркина форму на *-ааччык/-ааччы* сопоставляет с другими формами. Так, по ее мнению, эти аффиксы имеют свои параллели в тувинском языке в форме на *-ааччы/-ааччы*, *-кчы/-ыкчы*, в хакасском языке – на *-аачы/-еечі* [Коркина, 1970: 224]. Любопытно, что в хакасском языке наряду с формой на *-аачы/-еечі* имеются формы *-аачых/-еечік*, употребляющиеся вместе со вспомогательным глаголом *пол-* ‘быть’, ср.: *чайаачы кизі* ‘человек, склонный творить, создавать’ и *чайаачых полган* ‘притворялся, что творит’ (от глагола *чайа-* ‘творить, создавать’) или *ізеечі кизі* ‘человек, склонный к алкоголю (букв. человек, склонный пить)’ и *ізеечік полыбысхан* ‘сделал вид, что пьет’ (от глагола *іс-* ‘пить’).

Существует мнение У. Джусупакматова о том, что тюркский аффикс *-чых* встречается, как выше было отмечено, в тунгусо-маньчжурских языках в форме *-ча/-чи* [Джусупакматов, 1983: 97]. В своей работе автор ссылается на О. П. Суника, который отмечает наличие этих причастных форм прошедшего времени в эвенкийском и эвенском языках [Суник, 1962: 228]. Однако гипотеза О. П. Суника об их происхождении ничего общего с рассматриваемыми тюркскими формами не имеет. Кроме того, отличаются эти формы и в функционально-семантическом плане.

Во-первых, сравниваемая форма в хакасском, тувинском и тофском языках, как известно, выполняет исключительно предикативную функцию, атрибутивная функция замечена только в древнеуйгурском языке, но и здесь преобладает ее финитное употребление [Телицин, 2012: 34]. Напротив, например, в эвенкийском языке, имеющем варианты форм на *-ча*, *-чэ*, *-чо*, могут выступать как инфинитном употреблении *эмэчэ беэ* ‘пришедший человек’, так и финитном – *беэ эмэчэ* ‘человек пришел’ [Константинова, Лебедева, 1953: 128].

Во-вторых, эти формы в эвенкийском и эвенском языках выражают прошедшее совершенное действие, для обозначения незавершенности действия, вернее длительности, служит специальный показатель *-за-* (*дявусча-дя-чан* ‘содержал’) [Горелова, 1979: 70], ср.: *эмэ-чэн*

(прошедшее однократное) и *эмэ-дэ-чэн* (прошедшее несовершенное) [Василевич, 1940: 189]. О. А. Константинова полагает, что причастная форма законченного действия на -ча имеет общие корни с аналогичным видовым аффиксом состояния (*аңа̄чэ* ‘побывать в открытом состоянии’ от *аңа-* ‘открыть’, *дёнча* ‘вспоминать’ от *дён-* ‘вспомнить’) [Константинова, 1964: 166–167]. А в тюркских языках глагол, выраженный формой на -чых/-чык/-juk, индифферентен к противопоставлению совершенности/несовершенности действия, эти противопоставления зависят от сочетаемости предельных или неопредельных глаголов соответственно, а также от контекстного окружения: хак. *Ол піске андада чахсы полысчых* ‘Он нам тогда очень хорошо помог’ / *Ол піске хыхсы тооза одыңнаң полысчых па?* ‘Он нам всю зиму дровами помогал (не так ли / помнишь ли)?’ (примеры – К. К.); тув. *Сенден каш акша чээп алчык?* ‘(Напомни мне) сколько же он у тебя денег занял?’ / *Адыр, дуун Салбак-оол дижики?* ‘Погоди, что вчера Салбак-оол говорил?’ [Ооржак, 2014: 81]; тоф. *Самолет уышчук* ‘Самолет ведь улетел’ / *Ында аъттар турчжуктар* ‘Там кони стояли’ [Рассадин, 1978: 214]; др. уйг. *Qarijuq biz* ‘Постарели мы’ / *Bi muntay tül tüsäjükmen* ‘Я видела вот такой сон’ [Насилов, 1966: 93–94].

Таким образом, вышеприведенные факты позволяют не согласиться с У. Джусупакматовым в части отождествления им форм -чых/-чык/-juk с тунгусо-маньчжурской формой на -ча.

Исследователи тувинского языка происхождение формы на -чык связывали с модальной частицей *ийик*. Эта версия впервые была предложена авторами «Грамматики тувинского языка» Ф. Г. Исаковым и А. А. Пальмбахом [Исаков, Пальмах, 1961: 379]. Свое предположение они аргументируют тем, что в тувинском языке конструкция с модальной частицей -кан *ийик* и синтетическая форма -чык выражают одинаковое значение, последняя, по мнению авторов, образовалась путем усечения -кан и начальной -и: *чораан ийик* > *чорйик* > *чоржик* > *чоржук*. К этой точке зрения склоняется и Д. А. Монгуш [Монгуш, 1963: 132].

Сходство хакасской глагольной формы -чых с аналогичной частицей отмечается еще А. И. Грекул, автором раздела «Частицы» «Грамматики хакасского языка» (1975): «Многие частицы по внешнему виду совпадают не только с послелогоми и союзами, но и с формами самостоятельных частей речи» [Грекул, 1975: 246]. К последним она относит частицу -чых и называет ее модальной.

Иная гипотеза у Д. М. Насилова [Насилов, 1966]. Данную частицу он разложил на два компонента, первую часть которой возводит к глаголу *эр-* ‘быть’, а вторую – к форме прошедшего времени на -j(γ ~ u)к: **эр-j(γ ~ u)к* > *ийик* [Насилов, 1966: 98–99]. Глагол *эр-* в частице *ийик* также выделяет Н. А. Баскаков, согласно которому второй компонент и есть «инвариант как формы на -dyq/-dik~dy/-di, так и *čyq/-žyq*» [Баскаков, 1978: 6]. Как и Д. М. Насилов [Насилов, 1966: 99], он считает, что тувинской форме *ийик* в других тюркских языках соответствует форма е- (< er-/ ir-) < е- (~ i-) + -di < edi: *kel-gen edi* ‘он пришел’, *bar-ar edi* ‘пошел бы’ [Баскаков, 1978: 6–7].

Что касается выделения форм на -dyq/-dik~dy/-di в частице *ийик*, согласно гипотезе Н. А. Баскакова, то Б. А. Серебренников посчитал эту гипотезу неубедительной [Серебренников, 1974: 14]. Он аргументирует это тем, что, во-первых, в тувинском языке переход звука *č* в *j* является закономерным, а перехода интервокального *d* в *č* или *dž* не было: *келбеди* ‘он не пришел’, *албады* ‘он не взял’ [там же]. Во-вторых, «аффикс древнего причастия -dyq/-dik на протяжении истории развития этих языков не подвергался никаким фонетическим изменениям: *чассыдыг* ‘ласка’ от глагола *чассы-* ‘ласкаться» [там же].

Версию Н. А. Баскакова по поводу выделения в частице *ийик* форм на -dyq/-dik~dy/-di не поддерживают Б. И. Татаринцев, А. В. Байыр-оол [Татаринцев, 2002; Байыр-оол, 2009]. Б. И. Татаринцев считает, что для тувинского языка такой звуковой переход сомнителен [Татаринцев, 2002: 355]. А. В. Байыр-оол разделяет точку зрения Д. М. Насилова [Байыр-оол, 2009: 93].

Итак, если частица *ийик* действительно распадается на глагол *эр-* и на форму прошедшего времени на -чык, восходящую к древнеуйгурской -juk, то необъяснимым остается функциони-

рование таких форм, как *-ган ийик*, так и *-чык* с одинаковым значением, а также формы *-ганчык*. Б. Ч. Ооржак предполагает, что было два пути их стяжения, для наглядности покажем схематично: 1) ~~-ган~~ ийик < *-чык*; 2) *-ган ийик* < *-ганчык* [Ооржак, 2020: 30]. Кроме того, автором отмечается, что статус сложной формы *-ганчык* в системе тувинского глагола еще не определен [там же].

А что если *-чык* это не глагольная форма прошедшего времени, а на самом деле и есть частица? Предположим, частица, присоединяемая к глаголу *эр-*, застыла в тувинском языке в форме *ийик*, в тофском – *иик*, в хакасском – *иик-а*. Если в тувинском и тофском языках эти частицы активно употребляются как в устной, так и письменной речи, то в хакасском языке *иик-а* используется только в устном народном творчестве при исполнении тахпах¹. Она применяется исполнителями тахпах после заключительной мысли для усиления его выразительности, а также для утвердительного возгласа зрителями-слушателями. Конечная гласная в частице *иик-а* (отнесем ее к частице аналогично тувинскому и тофскому языкам) соотносима с частицей *а*, выделенной М. И. Боргояковым, в таких выражениях, как *чарир а* ‘хватит, достаточно’, *ай ир а!* ‘ай да молодец!’, *изен а!* ‘здравствуй!’ и т. п. [Боргояков, 1960: 185–186].

В этом случае относительно формы *-ганчык* в тувинском языке, а также форм *-ганчых*, *-дычых*, *-тырчых* и др. в хакасском языке можно сказать, что данные формы появились не в результате стяжения вспомогательного глагола, а сложились путем присоединения самой частицы *-чых* к глагольным формам времени, т. е. без глагола *эр-* или иного вспомогательного глагола с семантикой ‘быть’. В хакасском языке в роли этого вспомогательного глагола выступает глагол *пол-*. При этом он не подвергается к стяжению и участвует в образовании различных вариантов аналитических форм [Карпов, 1966; Карпов, 1980; Карпов, 2014]. Кроме того, как показал наш языковой материал, этот глагол сохраняется (1), сочетаясь с формой на *-чых*:

- (1) *Инейек: «Хайди тўс парган за, чохсы сукхан полчыхпын ма за, тўс парбазын тїп», – тїдїр* (ХЧКЧН: 148).

инейек	хайди	тўс-Ø	пар-ган	за	чохсы	сук-хан
старушка	как	спускаться-NF	идти-PAST	EMPH	хорошо	засовывать-PAST
пол-чых-пын		ма за	тўс-Ø		пар-ба-зын	тїп
быть-AFFIRM-1SG	Q	EMPH	спускаться-NF	идти-NEG-IMP.3	COMPL	
тї-едїр						
сказать-ITER						

‘Старушка: «Как так выпало, я ведь хорошо засовывала, чтобы не выпало», – говорит’.

В. Г. Карпов при анализе сложных форм прошедшего времени в хакасском языке отмечает, что в их образовании не участвует только форма прошедшего времени на *-чых* [Карпов, 1966: 69], при этом автором не исключается выявление новых вариаций аналитических форм.

Возможно, частица *чых*, кроме экспрессивной функции, выделяемой многими исследователями этой формы, имела некоторую семантику прошедшего времени. Иначе объяснить перевод частицы *чых*, присоединяемой непосредственно к глагольной основе, прошедшим временем не получается (2):

- (2) *Ол нымырханы алып алып, ол кїзі ибїнзер килчїк* (ХЧКЧ: 144).

ол	нымырха-ны	ал-ып	ал-ып	ол	кїзі	иб-ї-нзер
тот	яйцо-ACC	брат- NF	брат- CONV _п	тот	человек	дом-3POS-ALL
кил-чїк						
приходить-AFFIRM						

‘Взяв то яйцо, тот человек пришел домой’.

¹ Тахпах – это стихотворный песенный жанр хакасского фольклора.

Встраивание некоторых частиц в структуру глагольной словоформы, как отмечает И. М. Чебочакова, довольно распространенное явление в хакасском языке, например, наряду с традиционным постпозиционным расположением частицы *-ох/-өк* (*тур=ар=ым=ох* ‘я тоже встану’) встречается ее интерпозиционное употребление (*тур=ар=ох=нын* ‘я тоже встану’) [Чебочакова, 2014: 49]. Кроме того, автор приходит к выводу, что такая интерпозиция частицы *-ох* – не новое явление для хакасского языка, так как эту тенденцию находит и в материалах Н. Ф. Катанова, записанных им в конце XIX – начале XX в. [там же: 52].

В хакасском языке форма *-чых*, как правило, занимает постпозицию, так как чаще всего (210 примеров из 268) она используется в повествовании, причем от третьего лица. Форма *-чых*, как правило, постпозиционна в отношении с иными индикативными аффиксами (например, с *-ган*, *-ды*, *-тыр* и др.) (3–5), а также формой желательного наклонения на *-гай* (6), аффиксом уподобления *-даг* (7) и аспектуальным показателем *-чат-* (8) и визуализирует само событие или его результат:

- (3) *Ол хысхацах тон кис салганчых* (ХО: 54).
 ол хысхацах тон-Ø кис-Ø сал-ган-чых
 он короткий шуба-ACC надевать-NF класть-PAST-AFFIRM
 ‘Она надела короткую шубу’.
- (4) *Пірсінде тайымның очы оолгын хамчынаң хайди сохтычых* (ХТ: 18).
 пірсінде тай-ым-ның очы оолгы-н хамчы-наң
 однажды дядя-1POS.SG-GEN младший сын-<+poss>-ACC плетть-INSTR
 хайди сох-ты-чых
 как бить-RPAST-AFFIRM
 ‘Однажды как [она] била плетью младшего сына моего дяди (по материнской линии)’.
- (5) *Көрігіңілер дее саны иледе хозылтырчых* (Х).
 көрігіңі-лер дее сан-ы иледе хозыл-Ø-тыр-чых
 зритель-PL ADD число-3POS много прибавляться-NF-INDIR-AFFIRM
 ‘И число зрителей, оказывается, много прибавилось’.
- (6) *Ах тасхылда хар-пус чох полза, Ах Ыүс хайдаң чайылгайчых?* (АС: 8).
 ах тасхыл-да хар-пус чох пол-за
 белый гора-LOC снег-лед нет быть-COND
 Ах Ыүс хайдаң чайыл-гай-чых
 Белый Июс откуда разливаться-OPT-AFFIRM
 ‘Если на белых тасхылах не было бы снега, льда, то откуда разливался бы Белый Июс?’
- (7) *<...> істі, тізең, хатыпчатхандагчых* (АТ, 68–16: 25).
 істі тізең хат-ып-чатхан-даг-чых
 внутренность-<+poss> а твердеть-NF-DUR-PAST-COMP-AFFIRM
 ‘А живот его, казалось, становится твердым’.
- (8) *Хайди ол иртен, чолга сыгып, Хаңаага чарбанып, парчатчых са, «Таңах бригадирі» ойынын тастап, Школаа чидікпин, читті чазың!* (ХО: 82).

хайди ол иртен чол-ға сығ-ып
 как он утро путь-DAT выходить-CONV_п
 хаңаа-ға чарбан-ып пар-Ø-чат-чых са
 телега-DAT цепляться-CONV_п идти-NF-DUR-AFFIRM EMPH
 таңах-Ø бригадир-і ойын-ы-н таста-п
 курица-GEN бригадир-3POS игра-3POS-ACC бросать-CONV_п
 школа-ға чидік-пин чит-ті час-ың
 школа-DAT не терпється-NEG.CONV достигать-RPAST возраст-2POS.SG
 ‘Как он утром, выйдя в путь,
 Цепляясь за телегу, направлялся (ведь),
 Бросая игру «Бригадир куриц»,
 Не терпится в школу, достиг твой возраст!’

Что касается аффикса множественного числа, то он может как предшествовать (9) форме -чых, так и следовать за ней (10):

- (9) *Чалбах нимес позығастар, кире пазыл парып, тимірнің ұттерінең азырылғлап парғаннарчых* (АС: 6).

чалбах нимес позығас-тар кире пазыл-Ø
 широкий не гвоздик-PL вводит-CONV_е быть придавленным-NF
 пар-ып тимір-нің ұт-тер-і-нең азырыл-ғла-п
 идти-CONV_п железо-GEN отверстие-PL-3POS-ABL отцепляться-DISTR-NF
 пар-ған-нар-чых
 идти-PAST-PL-AFFIRM
 ‘Не широкие гвоздики продавились и вышли из своих железных отверстий’.

- (10) *Таң атханча чатчыхтар* (ХЧКЧН: 113).

таң ат-хан-ча чат-чых-тар
 заря рассветать-PAST-PROL лежать-AFFIRM-PL
 ‘Лежали они до рассвета’.

Случаи употребления данной формы в первом, втором лицах редки (12 примеров из 268), встречаясь исключительно в прямой речи или монологах, и обычно используются говорящим при воспоминании, воспоминании или припоминании реальных событий прошлого, свидетелем которого он был. При этом форма на -чых следует за основой глагола (11) или показателя времени (12):

- (11) *«Хақан тапчыхпыс, палам», – сурыбысхан іңезі оолғынаң* (ХФ: 167).

хачан тап-чых-пыс пала-м сур-ыбыс-хан
 когда находить-AFFIRM-1PL ребенок-1POS.SG спрашивать-PERF-PAST
 іңезі оолғы-наң
 мать-3POS сын-<+poss>-ABL
 ‘«Когда же мы нашли, ребенок мой», – спросила мать у своего сына’.

- (12) *«Кішіг бе? Син он ұс тее частыгнаң хонмаанчыхсың ма?» – толдыра, теедег, тібіскен Сеерге* (НД, БИА: 232).

кішіг бе син он ұс тее частығ-наң
 маленький Q ты тринадцать ADD возраст-COMIT-INSTR
 хон-ма-(ғ)ан-чых-сың ма толдыра ті-(ғ)едег
 ночевать-NEG-PAST-AFFIRM-2SG Q полно сказать-ASSUM

ti-(i)біс-кен Сеерге
сказать-PERF-PAST Сеерге
‘«Маленькая? Разве ты не ночевал даже с тринадцатилетней [девочкой]?» – вот сказал, так сказал Сеерге’.

Важным аргументом к сути вышеизложенного служит то, что форма на -чых может сочетаться с именными частями речи (13) и послелогом *осхас* (14), а также занимать постпозицию после других частиц -ох, *чоғыл*, *даа* (15–17), придавая контексту утвердительно-эвиденциальную семантику:

- (13) – *Й-й-а-а, андагчых, неке* (НД, БИА: 187).

й-й-а-а андагчых неке
да такой-AFFIRM вероятно
‘М-да, видимо, так и есть’.

- (14) *Оолның көксін тоорғанына махазы ханмаан осхасчых* (АС, КК: 8).

оол-нын көксін-н тоор-ған-ы-на
парень-GEN грудь<+poss>-ACC колоть-PAST-3POS-DAT
маха-зы ханмаан осхасчых
удовлетворенность-3POS быть удовлетворенным-NEG-PAST похожий-AFFIRM
‘Похоже, что она не получила удовлетворения от того, что поколотила грудь парня’.

- (15) *Ача іди полтырохчых* (УКДХЯ).

ача іди пол-Ø-тыр-ох-чых
старший брат так быть-NF-INDIR-ASS₂-AFFIRM
‘Брат, оказывается, также поступил’.

- (16) <...> *ізік хыриндағы сүлейке алтында изерістіре хазалғлап парған кизек ах нүңічектерде кічиçek тее сөп-сап чоғылчых* (АС: 12).

ізік хыриндағы сүлейке алтында изерістіре хазал-ғла-п
дверь крайний стекло внизу один за другим быть приколотым-DISTR-NF
пар-ған кизек ах нүңічек-тер-де кічиçek тее сөп-сап
идти-PAST кусок белый пушинка-PL-LOC маленький ADD мусор
чоғылчых
нет-AFFIRM
‘В белых перышках, находящихся возле двери под стеклом [и] прикрепленных один за другим, нет даже мелкой соринки’.

- (17) <...> *ол нимелер орназыға чарирдаачыхтар, че пір час таа пос чөрерін садып аларға көмес тее читпестер* (АТ, 59–9: 96).

ол нимелер орназығ-а чар(а)-ар-даа-чых-тар че пір час
тот вещь обмен-DAT подходить-FUT-ADD₂-AFFIRM-PL но один час
таа пос чөр-ер-і-н сад-ып аларға
ADD свободно передвигаться-FUT-3POS-ACC продавать-NF брать-INF
көмес тее читпестер
немного ADD достигать-NEG-FUT-PL
‘<...> эти вещи подошли бы и на обмен, но они даже немного не стоят хотя бы одного часа моего свободного времени’.

Таким образом, исходя из вариативности расположения формы *-чых* в структуре глагольной словоформы и способности сочетаться с разными частями речи, можно прийти к выводу, что данная форма функционировала в качестве модальной частицы с оттенком прошедшего времени, вероятнее всего, стала принимать личные аффиксы. В то же время наличие форм *-ганчых/-ганчык* в хакасском и тувинском языках напоминает синтез формы прошедшего времени на *-галах*, разложимый И. Бенцингом на следующие компоненты: < * *γan ele yoq* [Benzing, 1959: 4]. Отсюда предполагаем, что *-ганчых*, *-дычых* и другие аналогичные формы, вероятнее всего, представляют собой сочетания глагольной формы с частицей *-чых* (*-ган* + *-чых*).

Итак, можно прийти к общему выводу, что древнеуйгурская *-йук*, хакасская *-чых*, тувинская *-чык* и тофская *-чык* формы являются изоглоссой. К ним не относятся монгольская форма на *-жээ*, киргизская на *-чу*, якутская на *-ааччы*, тунгусо-маньчжурская на *-ча*. Многие исследователи уделяют больше внимания описанию связей между этими формами, их заимствованию из другого языка. Исходя из анализа на материале хакасского языка, полагаем, что глагольная форма *-чых* – исконно хакасская форма, восходящая к модальной частице *-чых*, а не просто совпадает с ней [Грекул, 1975: 246]. Таким образом, можно сказать, что в этих языках имеются (или имелись) простая частица *-чых/-чык/-juk* (?), глагольная форма *-чых/-чык/-juk*, а также синтезированная частица *ийик / иик / иик-а*, которые развились из первой.

Литература:

- Байыр-оол А. В.** Отглагольная частица *ийик* в аналитических конструкциях условно-сослагательной семантики в тувинском языке // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. №4. С. 93–97.
- Баскаков Н. А., Инкижекова-Грекул А. И.** Хакасский язык (Фонетическая структура. Словарный состав и грамматический строй) // Хакасско-русский словарь. М.: Главиздат, Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1953. С. 359–487.
- Баскаков Н. А.** Форма глагола на *-чых* || *-чык* ~ *-чу* || *-чу* в хакасском, тувинском и киргизском языках // Вопросы тюркологии. Ташкент: Изд-во «Наука» Узбекской ССР, 1965. С. 5–10.
- Баскаков Н. А.** Форма прошедшего времени глагола на *-сук* ~ *си* в тюркских языках и ее происхождение // Советская тюркология. 1978. №4. С. 3–8.
- Боргояков М. И.** Об одной особенности сагайского диалекта хакасского языка // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. VIII. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1960. С. 185–186.
- Василевич Г. М.** Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка: пособие для преподавателей эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Гос. учебно-педагогич. изд-во Наркомпроса РСФСР, Ленинград. отд-ние, 1940. 132 с.
- Гаджиева Н. З.** Проблемы тюркской ареальной лингвистики. Среднеазиатский ареал. М.: Наука, 1975. 304 с.
- Горелова Л. М.** Категория вида в эвенкийском языке. Новосибирск: Наука, 1979. 118 с.
- Грекул А. И.** Частицы // Грамматика хакасского языка / под ред. Н. А. Баскакова. М.: Наука, 1975. С. 245–253.
- Джусупкматов У.** Прошедшее время на *-чу* / *чык* / *-чых* // Отношение киргизского языка к сибирским тюркским языкам (на материале форм прошедшего времени глагола). Фрунзе: Илим, 1983. С. 97–115.
- Исхаков Ф. Г., Пальмбаха А. А.** Прошедшее риторическое время на *-чык* // Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. С. 375–379.
- Карпов В. Г.** Сложные формы прошедшего времени глаголов хакасского языка // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. XII. Абакан: Краснояр. кн. изд-во, Хакас. отд-ние, 1966. С. 69–80.
- Карпов В. Г.** Семантика глагола *пол-* «быть», его морфологические и синтаксические функции в хакасском языке // Исследования по современному хакасскому языку. Абакан, 1980. С. 63–74.
- Карпов В. Г.** Изъявительное наклонение глагола в современном хакасском языке. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «Хакасский гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова», 2014. 164 с.
- Константинова О. А., Лебедева Е. П.** Эвенкийский язык: учебное пособие для педагогических училищ. М., Л.: Гос. учебно-педагогич. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1953. 332 с.
- Константинова О. А.** Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М., Л.: Наука, 1964. 272 с.
- Коркина Е. И.** Наклонения глагола в якутском языке. М.: Наука, 1970. 308 с.
- Мешадиева А. Э.** Древнетюркские причастные формы и их эквиваленты в современных тюркских языках // Язык и культура: сб. материалов XXIX Междунар. научно-практ. конф. Новосибирск: ООО «Центр развития научного сотрудничества», 2017. С. 117–125.

- Монгуш Д. А.** Прошедшее время на -чык // Формы прошедшего времени изъявительного наклонения в тувинском языке. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1963. С. 130–145.
- Насилов Д. М.** Прошедшее время на -jūk/-juq в древнеуйгурском языке и его рефлексy в современных языках // Тюркологический сборник к шестидесятилетию Андрея Николаевича Кононова. М.: Наука, главная редакция восточной литературы, 1966. С. 92–104.
- Ооржак Б. Ч.** Временная система тувинского языка. М.: Языки славянской культуры, 2014. 184 с.
- Ооржак Б. Ч.** О форме прошедшего времени на =чык в тувинском языке в сопоставлении с хакасской формой на =чых // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020. № 3 (27). С. 27–30.
- Орузбаева Б. О.** Формы прошедшего времени в киргизском языке. Фрунзе: Изд-во АН Киргизской ССР, 1955. 62 с.
- Рассадин В. И.** Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978. 288 с.
- Серебренников Б. А.** Из истории звуков и форм тюркских языков (о чередовании начальных *b* и *m*) // Советская тюркология. 1974. № 6. С. 3–17.
- Суник О. П.** Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. Морфологическая структура и система форм глагольного слова. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 364 с.
- Татаринцев Б. И.** Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2002. 388 с. (Т. II: Д, Ё, И, Й).
- Телицин Н. Н.** К вопросу о разграничении причастий в древнеуйгурском языке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2012. № 1. С. 27–38.
- Убрятова Е. И.** Исследования по синтаксису якутского языка. Новосибирск: Наука, 1976. Ч. 2., Кн. 1. 214 с.
- Убрятова Е. И.** Историческая грамматика якутского языка: учебное пособие. Якутск: Изд-во Якутского гос. ун-та, 1985. 60 с.
- Убрятова Е. И.** Следы древних тюркского, уйгурского и киргизского языков в современных языках Сибири // Избранные труды. Исследования по тюркским языкам. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2011. С. 58–67.
- Филиппов Г. Г.** К вопросу об отношении якутских причастий -ааччы и -а илик к сибирским тюркским языкам // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2019. № 3. С. 63–71. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.3.63
- Чебоचाкова И. М.** О некоторых вопросах структуры глагольной словоформы в хакасском языке // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2014. № 2 (08). С. 48–53.
- Широбокова Н. Н.** Данные морфологии в изучении истории тюркских языков Сибири // Языки коренных народов Сибири: сб. науч. тр. Вып. 5. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. С. 125–151.
- Широбокова Н. Н.** Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 2005. 269 с.
- Щербак А. М.** Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол). Л.: Наука, Ленинград. отд-ние, 1981. 184 с.
- Benzing J.** Classification of the Turkic languages [I] // Philologiae Turicae Fundamenta. T. 1. Wiesbaden: Steiner, 1959. P. 1–5.
- Menges K.** Das Sojonische und Karagassische // Philologicae Turicae Fundamenta. T. 1. Wiesbaden: Steiner, 1959. P. 640–670.
- Pritsak O.** Das Abakan- und Čulymtürkische und das Schorische // Philologicae Turicae Fundamenta. T. 1. Wiesbaden: Steiner, 1959. P. 598–640.

Сокращения:

ABL – аблатив; ACC – аккузатив; ADD – аддитивная частица (и, же, ведь...); AFFIRM – аффирматив, утвердительная форма; ALL – аллатив; ASS – ассертивная (утвердительная) частица (также, тоже ...); ASSUM – ассумптив, предположительное наклонение, вводится оборотом «похоже, что ...»; COMIT – комитатив, показатель совместности («с ...», «вместе с ...»); COMP – компаратив (сравнительный); COMPL – комплементатор; COND – условное наклонение; CONV_г – деепричастие на -а («параллельное»); CONV_п – деепричастие на -ып («последовательное»); DAT – датив; DISTR – дистрибутив, обозначает множественность субъекта или объекта действия; DUR – дуратив (длительность действия); EMPH – эмфатическая частица; FUT – будущее время; GEN – генитив; IMP – императив (повелительное наклонение); INDIR – индиректив, косвенная эвиденциальность (неочевидность либо заглазность) действия; INF – инфинитив; INSTR – инструментальный (творительный); ITER – итератив (периодичность действия); LOC – локатив (местный); NEG – отрицание; NEG.CONV – отрицательная форма деепричастия; NEG.FUT – отрицательная форма будущего времени; NF – грамматикализированный показатель, исторически восходящий к CONV_п, выступающий в ряде синтетических и аналитических словоформ; OPT – оптатив (желательное наклонение); PAST – прошедшее время; PERF – перфектив (завершенность действия); PL – множественное число; POS – принадлежность (лицо и число посессора); PROL – пролатив (продольный); Q – вопросительная частица; RPAST – недавно прошедшее время; SG – единственное число.

Источники:

- АС – Аҕбан суҕ = Абакан-река: литературный альманах. 1961. № 10. 188 с.
АС, КК – Султреков А. Е. Кӱӧлөнӱс кӱӧглери = Песни любви. Часть первая. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2018. 178 с.
АТ, 59–9 – Ах Тасхыл: литературно-художественный альманах. 1959. № 9. 136 с.
АТ, 68–16 – Ах Тасхыл: литературно-художественный альманах. 1968. № 16. 54 с.
НД, ЫА – Доможаков Н. Г. Ыраххы аалда = В далеком аале: роман. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2010. 492 с. (Золотая серия Хакасии).
УКДХЯ – Устный корпус диалектов хакасского языка. https://linghub.ru/oral_khakas_corpus/search.
Х – Хабар: газета на хакасском языке. 2018. 18 декабря.
ХО – Хакасия оттары = Огни Хакасии: литературно-художественный альманах. 1957. № 7. 128 с.
ХТ – Хан тигир = Космос: литературно-художественный альманах. 1993. № 1. 144 с.
ХФ – Хакаскай фольклор = Хакасский фольклор. № 1. Абакан: Хакас. обл. нац. изд-во, 1941. 166 с.
ХЧКЧН – Хакас чонның кип-чоохтары, ныхахтары = Хакасские предания и сказки / под ред. П. А. Троякова, Т. Г. Тачеевой. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1960. 234 с.
ХЧКЧ – Хакас чонының кип-чоохтары = Хакасские мифы и легенды / П. А. Трояков. Абакан: Хакас. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва, 1990. 200 с.

Кичеева Кристина Владимировна.

Старший научный сотрудник.

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.

Ул. Щетинкина, 23, г. Абакан, 655017.

E-mail: kristi.tabakova@mail.ru

Материал поступил в редакцию 23 декабря 2021 г.

K. V. Kicheeva

TO THE QUESTION OF THE ORIGIN OF THE PAST TENSE FORMS -CHYKH/-CHYK/-YUK AND THEIR DIFFERENTIATION WITH FORMS -ZHEE, -CHU, -AACHCHY, -CHA (BASED ON THE MATERIAL OF THE KHAKASS LANGUAGE)

The article provides a review of the scientific literature devoted to the problem of etymology of the past tense forms *-chykh/-chyk/-yuk*, as well as an attempt to differentiate them with other forms identified by some researchers with the analyzed forms. There are two main points of view that are polemizing with each other. Besides, the author proposes own hypothesis based on existing views. It, i.e. the author's hypothesis, is based on the material of the Khakass language, collected by the method of continuous sampling of texts from fiction, journalistic, and folklore literature.

Comparing the semantics and some functions of Mongolian form *-zhee*, Qirghiz one *-chu*, Yakut *-aachchy*, Tungus-Manchu *-cha*, and Khakass form *-chykh*, it is concluded that they are not identical to the latter and, respectively, to the forms *-chyk/-chykh/-yuk* of the Khakass, Tuvan, Tofalar, and Old Uighur languages.

Special attention is paid to the combinations of the analyzed form *-chykh* with other indicative past tense affixes *-gan*, *-dy*, *-tyr*, *-chan*, *-galakh*, *-(p)chatkhan*. It is revealed that in the Khakass language there is the analytical construction *-gan polchykh*, in this regard the assumption of the contraction of auxiliary verb *er*- 'to be' in form *-ganchykh* < *-gan + er-chykh* is doubtful.

Sampling shows that in the Khakass language, form *-chykh* is most often used in narration, and is rarely found in direct speech. It is interesting that in the first case narration is performed from the third person. Cases of the use of this form in the first, second persons have not been found.

As our language material has shown, form *-chykh* in the Khakass language has the property of combining with different parts of speech and changing the position in the structure of a verbal word form, likewise particle *okh/-yok* is written together with a word form. This illustrates the thesis that form *-chykh* is an affirmative particle, once often used when describing past events and which began to take personal affixes over time.

Keywords: *Khakass language, Tuvan language, Tofalar language, Old Uighur language, Qirghiz language, Yakut language, Mongolian language, Tungus-Manchu language, etymology, indicative, past tense, narration, particle.*

References:

- Baskakov N. A.** Forma glagola na *-chykh* || *-chik* ~ *-chu* || *-chu* v khakasskom, tuvinskom i kirgizskom yazykakh // Voprosy tyurkologii [The form of a verb with *-chykh* || *-chik* ~ *-chu* || *-chu* in the Khakass, Tuvan, and Kirghiz languages // Questions of Turkology]. Tashkent: Publishing house "Nauka" of the Uzbek SSR, 1965. Pp. 5–10.
- Baskakov N. A.** Forma proshedshego vremeni glagola na *-sukh* ~ *si* v tyurkskikh yazykakh i eyo proiskhozhdenie // Sovetskaya tyurkologiya [The past tense form of a verb with *-sukh* ~ *si* in the Turkic languages and its origin // Soviet Turkology]. 1978. № 4. Pp. 3–8.
- Baskakov N. A., Inkizhekova-Grekul A. I.** Khakasskiy yazyk (Foneticheskaya struktura. Slovarnyy sostav i grammaticheskiy stroy) // Khakassko-russkiy slovar [The Khakass language (Phonetic structure. Vocabulary and grammatical structure) // Khakass-Russian dictionary]. Moscow: Glavizdat, State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1953. Pp. 359–487.
- Bayyr-ool A. V.** Otlagolnaya chastitsa yyyk v analiticheskikh konstruktivnykh uslovno-soslagatelnoi semantiki v tuvinskom yazyke // Gumanitarnye nauki Sibiri [Verbal particle yyyk in analytical constructions of conditional subjunctive semantics in the Tuvan language // Humanities in Siberia]. 2009. № 4. Pp. 93–97.
- Benzing J.** Classification of the Turkic languages [I] // Philologiae Turicae Fundamenta. P. 1–5.
- Borgoyakov M. I.** Ob odnoy osobennosti sagayskogo dialekta khakasskogo yazyka // Uchyonye zapiski KhakNIYALI. Vyp. VIII [On one feature of the Sagay dialect of the Khakass language // Scientific notes of KhRILLH. Issue VIII]. Abakan: Khakass Publishing House, 1960. Pp. 185–186.
- Chebochakova I. M.** O nekotorykh voprosakh struktury glagolnoy slovoformy v khakasskom yazyke // Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya [On some issues of the structure of the verbal word form in the Khakass language // Scientific Review of the Sayan-Altai]. 2014. № 2 (08). Pp. 48–53.
- Dzhusupakmatov U.** Proshedshee vremya na *-chu* / *chyk* / *-chykh* // Otnoshenie kirgizskogo yazyka k sibirskim tyurkskim yazykam (na materiale form proshedshego vremeni glagola) [The past tense of *-chu* / *chyk* / *-chykh* // Relation of the Kirghiz language to the Siberian Turkic languages (based on the past tense forms of a verb)]. Frunze: Ilim, 1983. Pp. 97–115.
- Filippov G. G.** K voprosu ob otnoshenii yakutskikh prichastiy *-aachchy* i *-a* ilik k sibirskim tyurkskim yazykam // Vestn. Sev. (Arktich.) feder. un-ta. Ser.: Gumanit. i soc. nauki. [On the relation of the Yakut participles *-aachchy* and *-a* ilik to the Siberian Turkic languages // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University Series: Humanities and social sciences]. 2019. № 3. Pp. 63–71. DOI: 10.17238/issn 2227-6564.2019.3.63
- Gadzhieva N. Z.** Problemy tyurkskoy arealnoy lingvistiki. Sredneaziatskiy areal [Problems of Turkic areal linguistics. Central Asian area]. Moscow: Nauka, 1975. 304 pp.
- Gorelova L. M.** Kategoriya vida v evenkiyskom yazyke [The species category in the Evenk language]. Novosibirsk: Nauka. 118 pp.
- Grammatika khakasskogo yazyka [Grammar of the Khakass language]. Moscow: Nauka, 1975. 418 pp.
- Iskhakov F. G., Palmbakh A. A.** Proshedshee ritoricheskoe vremya na *-chyk* // Grammatika tuvinskogo yazyka. Fonetika i morfologiya [Past rhetorical tense with *-chyk* // Grammar of the Tuvan language. Phonetics and morphology]. Moscow: Publishing House of Oriental Literature, 1961. Pp. 375–379.
- Karpov V. G.** Izvayitelnoe naklonenie glagola v sovremennom khakasskom yazyke [Indicative mood of a verb in the modern Khakass language]. Abakan: Publishing house of N. F. Katanov Khakass State University, 2014. 164 pp.
- Karpov V. G.** Semantika glagola *pol-* "byt", ego morfologicheskie i sintaksicheskie funktsii v khakasskom yazyke // Issledovaniya po sovremennomu khakasskomu yazyku [Semantics of verb *pol-* "to be", its morphological and syntactic functions in the Khakass language // Research on the modern Khakass language]. Abakan: [Khakassia], 1980. Pp. 63–74.
- Karpov V. G.** Slozhnye formy proshedshego vremeni glagolov khakasskogo yazyka // Uchyonye zapiski KhakNIYALI. Vyp. XII [Complex forms of the past tense of verbs in the Khakass language // Scientific notes of KhRILLH. Issue XII]. Abakan: Krasnoyarsk Publishing House, Khakass Branch, 1966. Pp. 69–80.
- Konstantinova O. A.** Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya [The Evenk language. Phonetics. Morphology]. Moscow, Leningrad: Nauka, 1964. 272 pp.
- Konstantinova O. A., Lebedeva E. P.** Evenkiyskiy yazyk: uchebnoe posobie dlya pedagogicheskikh uchilishch [The Evenk language: textbook for pedagogical colleges]. Moscow, Leningrad: State Educational and Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR, 1953. 332 pp.
- Korkina E. I.** Nakloneniya glagola v yakutskom yazyke [Verb moods in the Yakut language]. Moscow: Nauka, 1970. 308 pp.
- Menges K.** Das Sojonische und Karagassische // Philologiae Turicae Fundamenta. T. 1. Wiesbaden: Steiner, 1959. Pp. 640–670.
- Meshadieva A. E.** Drevnetyurkskie prichastnye formy i ikh ekvivalenty v sovremennykh tyurkskikh yazykakh // Yazyk i kultura: sbornik materialov XXIX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Old Turkic participial forms and

their equivalents in modern Turkic languages // Language and culture: proceedings of the 29th International Scientific and Practical Conference]. Novosibirsk: OOO "Center for the Development of Scientific Cooperation", 2017. Pp. 117–125.

Mongush D. A. Proshedshee vremya na *-chyk* // Formy proshedshego vremeni izyavitelnogo nakloneniya v tuvinskom yazyke [The past tense with *-chyk* // Forms of the past tense of the indicative mood in the Tuvan language]. Kyzyl: Tuvan Publishing House, 1963. Pp. 130–145.

Nasilov D. M. Proshedshee vremya na *-jūk/-juq* v drevneuygurskom yazyke i ego refleksy v sovremennykh yazykakh // Tyurkologicheskii sbornik k shestidesyatiletiyu Andrey Nikolaeovicha Kononova [The past tense with *-jūk/-juq* in the Old Uighur language and its reflexes in modern languages // Turkological collection for the 60th anniversary of Andrey Nikolaeovich Kononov]. Moscow: Nauka, the Main Editorial Office of Oriental literature, 1966. Pp. 92–104.

Oorzhak B. Ch. O forme proshedshego vremeni na *=chyk* v tuvinskom yazyke v sopostavlenii s khakasskoy formoy na *=chykh* // Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya [On the form of the past tense with *=chyk* in the Tuvan language in comparison with the Khakass form with *=chykh* // Scientific Review of the Sayan-Altai]. 2020. № 3 (27). Pp. 27–30.

Oorzhak B. Ch. Vremennaya Sistema tuvinskogo yazyka [The tense system of the Tuvan language]. Moscow: Languages of Slavic culture, 2014. 184 pp.

Oruzbaeva B. O. Formy proshedshego vremeni v kirgizskom yazyke [Forms of the past tense in the Kirghiz language]. Frunze: Publishing House of the Academy of Sciences of the Kyrgyz SSR, 1955. 62 pp.

Pritsak O. Das Abakan- und Čulymtürkische und das Schorische // Philologicae Turcicae Fundamenta. T. 1. Wiesbaden: Steiner, 1959. P. 598–640.

Rassadin V. I. Morfologiya tofalarskogo yazyka v sravnitel'nom osveshchenii [Morphology of the Tofalar language in comparative review]. Moscow: Nauka, 1978. 288 pp.

Serebrennikov B. A. Iz istorii zvukov i form tyurkskikh yazykov (o cheredovanii nachalnykh *b* i *m*) // Sovetskaya tyurkologiya [From the history of sounds and forms of the Turkic languages (on the alternation of initial *b* and *m*) // Soviet Turkology]. 1974. № 6. Pp. 3–17.

Shcherbak A. M. Ocherki po sravnitel'noy morfologii tyurkskikh yazykov (Glagol) [Essays on the comparative morphology of the Turkic languages (Verb)]. Leningrad: Nauka, Leningrad Branch, 1981. 184 pp.

Shirobokova N. N. Dannye morfologii v izuchenii istorii tyurkskikh yazykov Sibiri // Yazyki korennykh narodov Sibiri: sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 5. [Data of morphology in the study of the history of the Turkic languages of Siberia // Languages of the indigenous peoples of Siberia: collection of scientific papers. Issue 5]. Novosibirsk: Siberian Chronograph, 1999. Pp. 125–151.

Shirobokova N. N. Otnoshenie yakutskogo yazyka k tyurkskim yazykam Yuzhnoy Sibiri [Relation of the Yakut language to the Turkic languages of South Siberia]. Novosibirsk: Nauka, 2005. 269 pp.

Sunik O. P. Glagol v tunguso-manchzhyrskikh yazykakh. Morfologicheskaya struktura i Sistema form glagol'nogo slova [Verb in the Tungus-Manchu languages. The morphological structure and the system of verbal word forms]. Moscow, Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1962. 364 pp.

Tatarintsev B. I. Etimologicheskii slovar tuvinskogo yazyka [Etymological dictionary of the Tuvan language]. Novosibirsk: Nauka, 2002. 388 pp. (Vol. II: D, YO, I, Y).

Telitsyn N. N. K voprosu o razgranichenii prichastiy v drevneuygurskom yazyke // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika [On the question of the differentiation of participles in the Old Uighur language // Bulletin of the St. Petersburg University. Oriental and African studies]. 2012. № 1. Pp. 27–38.

Ubryatova E. I. Issledovaniya po sintaksisu yakutskogo yazyka [Research on the syntax of the Yakut language]. Novosibirsk: Nauka, 1976. Part 2., Book 1. 214 pp.

Ubryatova E. I. Istoricheskaya grammatika yakutskogo yazyka: uchebnoe posobie [Historical grammar of the Yakut language: textbook]. Yakutsk: Publishing House of the Yakut State University, 1985. 60 pp.

Ubryatova E. I. Sledy drevnikh tyurkskogo, uygurskogo i kirgizskogo yazykov v sovremennykh yazykakh Sibiri // Izbrannye Trudy. Issledovaniya po tyurkskim yazykam [Traces of Old Turkic, Uighur, and Kirghiz languages in modern languages of Siberia // Selected works. Research on the Turkic languages]. Novosibirsk: RIC NSU, 2011. Pp. 58–67.

Vasilevich G. M. Ocherk grammatiki evenkiyskogo (tungusskogo) yazyka: posobie dlya prepodavateley evenkiyskogo (tungusskogo) yazyka [Essay on the grammar of the Evenk (Tungus) language: teacher's manual of the Evenk (Tungus) language]. Leningrad: State Educational and Pedagogical Publishing House of the People's Commissariat of the RSFSR, Leningrad Branch, 1940. 132 pp.

Kicheeva Kristina Vladimirovna.

Senior research fellow.

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History.

23 Shchetinkin st., Abakan, Russia, 655017.

Email: kristi.tabakova@mail.ru